

Ömer Biçer

Dr. Öğr. Üyesi, Mersin Üniversitesi/ Erdemli Meslek Yüksekokulu, Mersin/Türkiye
Assist. Prof., Mersin University/Erdemli Vocational School, Mersin/Türkiye

eposta: omermink@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6169-6038> - RorID: <https://ror.org/04nqdw39>

Atıf/Citation: Biçer, Ömer. 2026. Язык Как Архив Памяти: Компаративный Анализ Лексических Трансформаций В Русском И Османском Языках. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, 14/2, 829-856. <https://doi.org/10.33692/avrasyad.1862271>

Makale Bilgisi / Article Information

Yayın Türü / Publication Type:	Araştırma Makalesi/Research Article
Geliş Tarihi /Received:	13.01.2026
Kabul Tarihi/Accepted:	03.04.2026
Yayın Tarihi/Published:	15.06.2026

ЯЗЫК КАК АРХИВ ПАМЯТИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РУССКОМ И ОСМАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В данном компаративном филологическом исследовании анализируются процессы семантической трансформации, вызванные социокультурными факторами, ведущие к системной утрате фундаментальных этических и духовных категорий в русской и турецкой языковых парадигмах. Основной целью работы является семасиологическое обоснование феномена семантической деградации, рассматриваемой как прогрессирующая эрозия внутренней формы слова — аксиологического центра коллективной культурной памяти. Теоретическая база исследования основывается на концепциях А. А. Потебни и П. А. Флоренского о многослойной структуре слова и его связи с народным сознанием. В процессе работы применяются методы историко-этимологической реконструкции, анализ 40 лексических маркеров духовно-этической сферы, а также лингвокультурное картирование и контент-анализ первоисточников. Результаты анализа позволяют выявить два различных общественно-дискурсивных механизма утраты изначальных смыслов:

В русской лингвистической традиции: доминирует длительная эволюционная эрозия под влиянием секуляризации и социальной рационализации, при которой внешняя форма слова сохраняется, но его сакральный и нравственный заряд нивелируется.

В турецкой (османской) традиции: фиксируется резкая и структурная культурная блокировка, ставшая следствием радикальной лингвистической реформы 1928 года и сопутствующей ей терминологической смены.

Исследование доказывает, что, несмотря на различие путей развития, оба процесса приводят к идентичному итогу — системному обеднению философского, этического и

эстетического пластов языка. В статье предлагается трехэтапная методологическая модель восстановления утраченных смыслов. Обосновывается, что активация этической памяти через «археологию смысла» является императивом для сохранения культурной идентичности в условиях глобальной семантической унификации

Ключевые слова: десемантизация, внутренняя форма слова, компаративная филология, лингвокультурная память, духовно-нравственные концепты, русский и османотурецкий языки, семантическая реконструкция.

BİR BELLEK ARŞİVİ OLARAK DİL: RUSÇA VE OSMANLICADA SÖZCÜK BİLİMSEL DÖNÜŞÜMLERİN KARŞILAŞTIRMALI ANALİZİ

Öz

Bu çalışma, Rus ve Türk dillerindeki temel ahlaki ve manevi kavramların sosyo-kültürel etkilerle uğradığı köklü dönüşümü ve bu süreçte yaşanan sistematik anlam kayıplarını karşılaştırmalı olarak analiz etmektedir. Araştırmanın temel amacı, toplumsal hafızanın değer merkezi olan kelime yapısındaki aşınmayı, modernitenin bir sonucu olan "anlamsal yoksullaşma" (anlamsal erozyon) olgusu üzerinden disiplinlerarası bir dilbilimsel temele oturtmaktır. Çalışmanın teorik çerçevesi; A. A. Potebnya ve P. A. Florenski'nin, kelimenin çok katmanlı ontolojik yapısı ve bu yapının halkın kolektif bilinciyle olan kopmaz bağı üzerine kurdukları dil felsefesi kuramlarına dayanmaktadır. Araştırma sürecinde, manevi-etik alandan seçilen 40 anahtar kavram; kökenbilimsel veriler, kültürel haritalama ve temel edebi/felsefi kaynakların içerik analizi yöntemleriyle titizlikle incelenmiştir. Yapılan analizler, özgün anlamların yitimine dair iki farklı toplumsal ve düşünsel örüntüyü gün yüzüne çıkarmaktadır:

Rus dil geleneğinde: Kelimenin dış biçiminin korunduğu ancak içsel manevi derinliğinin seküler rasyonelleşme ve toplumsal dönüşüm etkisiyle silikleştiği, uzun vadeli ve evrimsel bir aşınma süreci hakimdir.

Türk (Osmanlı) geleneğinde ise: 1928 yılındaki radikal dil devrimi ve beraberinde gelen terminolojik değişimle birlikte ortaya çıkan, daha keskin, müdahaleci ve yapısal bir kültürel kopuş tespit edilmiştir.

Araştırma, bu iki farklı gelişim patikasının sonunda her iki dilin de felsefi, ahlaki ve estetik derinlik açısından benzer bir yoksullaşma noktasına vardığını somut verilerle kanıtlamaktadır. Makalede, modern bireyin dilsel evreninde kaybolan bu anlam katmanlarını yeniden inşa etmek amacıyla üç aşamalı özgün bir model önerilmektedir. "Anlam arkeolojisi" yoluyla etik belleğin canlandırılmasının, günümüzün tek tipleşen ve semantik açıdan sığlaşan dünyasında kültürel kimliğin muhafazası için hayati bir zorunluluk olduğu savunulmaktadır.

Anahtar Kelimeler: desemantizasyon, kelimenin iç biçimi, karşılaştırmalı filoloji, dil ve kültür belleği, manevi ve ahlaki kavramlar, Rusça ve Osmanlı Türkçesi, anlamsal yeniden yapılandırma.

Введение

Великий педагог и мыслитель Константин Дмитриевич Ушинский подчёркивал фундаментальное значение языка как живого исторического организма: «Язык народа - лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни» (Горячева 2020: 24). Он же отмечал, что народ существует постольку, поскольку жив его язык, — тем самым определяя язык как главный медиатор исторической и культурной преемственности. Каждое наследуемое слово содержит не только денотативный смысл, но и следы эпохи, интонацию времени, культурный и духовный контекст. В его глубинной структуре заключены смысл, память и обобщённый этический опыт поколений. Проблема лексической и семантической деградации сегодня становится одной из центральных для филологии. Уход слова или утрата его исторической нагрузки означает исчезновение целого слоя духовного и нравственного опыта, закреплённого в значении. Особенно болезненно это проявляется в сфере слов, обозначающих тонкие этические, эстетические и философские состояния (например, русские *радение*, *вежа*; османские *irfan*, *dergâh*). Эти утраты нарушают преемственность культурного сознания и, как показывал Павел Флоренский, ведут к разрушению исконного понимания Истины: истины как «живущего существа», сохраняющего подлинное существование (Флоренский 2017: 23). По мысли Николай Бердяев (1937: 19), исчезновение таких категорий делает невозможным полноценное существование личности, поскольку: Человек — образ и подобие Божье. И то образование человека как целостного существа, как личности, которое началось в мире библейском и мире греческом, окончательно завершилось лишь в христианстве. Сейчас происходит как бы обратный историко-культурный процесс, не только против христианства, но и против Библии, и против греческой культуры. Современный неоклассицизм есть мертвящий формализм, и он бессилён (Бердяев 1937: 19). В контексте настоящего исследования данное философское положение требует лингвистической интерпретации. Описываемый Н. Бердяевым «мертвящий формализм» может быть рассмотрен как проявление более общего процесса утраты содержательной глубины культурных форм, который на уровне языка выражается в ослаблении внутренней формы слова и его семантической редукции. Иначе говоря, разрушение духовно-культурной традиции, о котором говорит философ, коррелирует с процессами десемантизации: слова утрачивают свою этическую и мировоззренческую нагруженность, превращаясь в формально функционирующие единицы. Таким образом, философская критика неоклассицизма получает лингвистическое измерение, позволяющее рассматривать языковые изменения как индикатор более широкого культурного кризиса. Опираясь на данные философские предпосылки, целью настоящего исследования является лингвофилософский анализ механизмов трансформации и исчезновения культурно-маркированной лексики. Методологическая основа работы базируется на синтезе

лингвистического анализа с историко-компаративным подходом, что позволяет интерпретировать языковые изменения в контексте духовного кризиса культуры.

Материалом исследования послужили:

- для русского языка использованы *Словарь живого великорусского языка* Владимир Иванович Даль и *Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка* Людмила Александровна Глинкина (2008);

- для османского — *Katûs-ı Türki* Шемседдин Сами (1901).

Ключевые методы:

- (1) Историко-лингвистический анализ — выявление эволюции и ослабления внутренней формы русских слов (*радение, вежа*) от этически нагруженного состояния до современной семантической редукции.
- (2) Контент-анализ лексикографических источников — фиксация утраченных значений и выявление их изначальной «нравственной энергии».
- (3) Сравнительный анализ механизмов утраты — сопоставление эволюционного (Россия) и директивного (Османская империя/Турция) процессов разрушения культурных кодов и доказательство универсальности конечного результата.

Дефиниция ключевых концептов:

(1) Внутренняя форма слова (полюс Архива) — трактуется не только как ближайшее этимологическое значение (Александр Потенбня), но как совокупность исторически закреплённых этико-эстетических коннотаций, отражающих коллективный опыт (в духе философской школы Густав Шпет). Её утрата означает исчезновение концептуальной памяти и невозможность точного осмысления связанных реалий.

(2) Семантическая анемия (полюс Кризиса) — авторский термин, обозначающий системное ослабление лексики в сферах этики, философии и эстетики вследствие разрушения внутренней формы. На когнитивном уровне это проявляется в примитивизации мыслительных операций, на языковом — в замене точных концептов громоздкими описательными конструкциями (*gönül bilgisi* вместо *irfan*). Семантическая анемия является прямым индикатором разрыва культурной преемственности.

Корневые основания языка и его функция как архива памяти

Лингвофилософская традиция, восходящая к В. фон Гумбольдту, определяет язык не просто как «эргон» (готовый продукт), но как «энергейю» - постоянную творческую деятельность духа, направленную на осмысление мира. Именно в этом активном, корневом основании кроется функция языка как главного носителя культурного кода и коллективной памяти. Гумбольдт (Гумбольдт 1841–1852) утверждает: «Язык... в сущности есть нечто постоянно, в каждое мгновение исчезающее... Он есть не дело (*εργον*), не мертвое произведение, а деятельность (*ενεργεια*), т.е. самый

процесс производства» (Потебня 1989: 39). Исследования последних десятилетий показывают, что коллективная память не является простым отпечатком событий прошлого. Ее можно рассматривать как один из элементов менталитета (Емельянова 2019: 33). Согласно одному из современных определений коллективной памяти, она: «состоит из разделяемых живых образов, знаний, верований, о коллективном прошлом. Коллективная память базируется на устной и неформальной передаче информации и рассказов, которые образуют „профанную историю“. Научная или формальная история питает эти образы прошлого как наука питает социальные представления» (Паэс и др., 2016). Гумбольдтовский тезис о том, что язык есть формирующий орган мысли, подчеркивает: мы мыслим мир через призму того, как он категоризирован нашим языком. Слова - это фокусирующие линзы, через которые проходит коллективное миропонимание. Лексика, особенно в сфере этики и эстетики, выступает как исторический осадок ценностной системы, формируя лингвокультурную идентичность. Для понимания механики Архива Памяти необходимо провести чёткое разграничение между Языком (общей схемой и совокупностью правил) и Речью (частным, материальным проявлением языка в звуке или букве). Фундаментальное лингвистическое разграничение между системой (Архивом) и актом (Речью) было заложено А. А. Потебней. Он, детально разграничивая язык и речь, указывал: «От языка, в смысле речи, каждый раз нами произносимой, следует отличать язык, как массу произведений этой речи... В языке образуется запас слов и система правил, посредством коих он в течение тысячелетий становится самостоятельной силой... язык есть столько же деятельность, сколько и произведение» (Потебня 1913: 15 - 62). Каждое слово, унаследованное от предков, содержит в себе не только строгое денотативное значение, но и пульс истории, интонацию времени, культурный и духовный контекст, выступая ступенью коллективного этического опыта, заложенного в его семантическом ядре. Методологическое обоснование нашего исследования лежит в идеях А. А. Потебни, который подчеркивал: «Слово только потому есть орган мысли и неперемное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения. Но словом с течением времени должно потерять эти свойства... кончает тем, что перестает быть собою». Этот тезис утверждает: для понимания классического текста и его культурного фона необходимо анализировать язык того времени как живой организм. Этот анализ подтверждается внутренним устройством лексики, которая, вопреки кажущейся безграничности, функционирует как четко организованная система. Слова даже в словаре не лежат случайной грудой, подобно ягодам в корзине. Они приведены в порядок, по возможности соединены или соотнесены друг с другом по степени их близости или родства. Слова, обслуживающие узкую часть человеческой деятельности или отражающие определенный отрезок окружающего нас мира, вступают в тесные

лексические (т. е. словесные) или семантические (т. е. смысловые) отношения, образуют лексико-семантические группы конкретного и всегда легко обозримого ряда. А ряды имеют концы. В рамках этого подхода лексико-семантическая группа слов (представленная, например, в Таблице 1.1) демонстрирует историзм: *бой, драка, рать, брань, сила, полк, битва, сражение...* Вы, зная современный русский литературный язык, всегда определите взаимное соотношение между этими словами. Некоторые из них покажутся устаревшими (*рать, полк* в значении '*битва, сражение*'), другие изменили свое значение по сравнению с прошлым (*брань* теперь не обозначает '*сражения*'), третьи стали употребляться только в некоторых сочетаниях (вооруженные силы), а четвертые сохранились, но употребляются только в определенных случаях, причем каждое из них имеет свой определенный стилистический привкус, например: *бой* местного значения, *битва* под Сталинградом, *сражение*, решившее исход войны. Уже беглый взгляд на приведенные слова позволяет нам выявить историзмы, архаизмы, синонимы, многозначность слова, переносное значение слова и т. д. Следовательно, каждое слово входит в свою систему. И изменение в лексике происходит не просто потому, что прежнее слово кому-то стало казаться некрасивым или маловажным. Очень часто изменение связано с тем, что сместились прежние соотношения между старыми словами, изменилась лексическая система целиком. Нагляднее всего это можно проследить на изменениях внутренне замкнутой частной системы: она изменяется вся сразу, а не отдельными словами, но изменяется постепенно. Именно в силу этой системности и исторической постепенности для реконструкции утраченной Внутренней Формы и первоначальных семантических связей необходим диалектный материал. В. В. Иванов по этому поводу указывает: «Русская диалектология оказывает помощь при изучении исторической грамматики, в силу того что диалекты русского языка зачастую сохраняют в своей структуре те звуки, формы и конструкции, которые уже утрачены литературным языком, а, кроме того, ряд процессов в говорах получает такое развитие, которого не было в литературном языке, где изменение отдельных явлений зачастую задерживается или идет иными путями, чем в диалектах (см., например, ниже явление изменения)» (Иванов 1990: 9). Таким образом, диалекты служат «Архивом Памяти» не только в фольклорном, но и в строго лингвистическом смысле, сохраняя языковые элементы, которые были потеряны для литературного стандарта, но являются ключом к пониманию семантической истории этических концептов.

Таблица 1.1. Историко-семантическая динамика лексико-семантической группы '*сражение*' (на примере русского языка)

Слово	Историко-семантический статус	Стиль и пример употребления (Назначение)

Рать	Историзм / Архаизм	Высокий, древний стиль. В современном языке - только в устойчивых выражениях. <i>Пример: Поднять всю рать против врага.</i>
Полк	Устаревшее значение	Историческое значение 'битва, военный поход' (как в «Слове о полку Игореве»). В современном языке - только 'воинское подразделение'.
Брань	Сдвиг значения	Утратило значение 'сражение, битва'. В современном языке - 'ссора, ругань, сквернословие'.
Силы	Сочетаемость	Употребляется преимущественно во множественном числе и в сочетаниях. <i>Пример: Вооруженные силы.</i>
Драка	Нейтральное Бытовое	/ Обозначает столкновение низкого или личного масштаба. <i>Пример: Уличная драка.</i>
Бой	Нейтральное Конкретное	/ Обозначает локализованное, конкретное столкновение. <i>Пример: Бой местного значения.</i>
Битва	Торжественное Крупное	/ Обозначает крупное, решающее военное действие. <i>Пример: Битва под Сталинградом.</i>
Сражение	Официальное Решающее	/ Обозначает крупное военное действие с организованными силами. <i>Пример: Сражение, решившее исход войны.</i>

Таблица 1.1 наглядно подтверждает гумбольдтовский тезис о языке как формирующем органе мысли. Изменения в лексико-семантической группе 'сражение' показывают, что лексический Архив Памяти - это не пассивное хранилище, а динамическая, взаимосвязанная система. Утрата словом "брань" своего военного значения или архаизация "рати" - это не просто стилистические изменения, а свидетельство культурного сдвига, фиксирующего:

- Сдвиг Ценностей: Переход от героического, этически нагруженного образа войны (как в случае с Ратью) к более нейтральному, техническому или бытовому обозначению (Драка, Бой).

- Экономия Системы: Вытеснение устаревших слов, не вписавшихся в новые смысловые отношения, демонстрирует стремление Архива к внутренней оптимизации и эффективности. Каждое слово в этой группе, таким образом, функционирует как метка-свидетель определенной эпохи коллективного сознания. Корневые Основания: Память в Морфеме. Функция языка как Архива Памяти заложена не только в семантике слова (лексике), но и в его внутренней форме — корне и аффиксах. Корень слова

является наиболее древним и устойчивым хранителем пра-смысла. Например, если в лексике слово "Правый" подверглось семантической перегрузке, то его корневая связь со словами "Праведный" и "Правило" неразрывно сохраняет исконный этический код справедливости, даже если бытовой смысл слова изменился. Таким образом, грамматический строй и словообразовательная модель выступают как самый глубокий, инерционный слой Архива, гарантирующий преемственность коллективного миропонимания. Процессы Историко-семантической динамики (семантической утраты и обогащения) демонстрируют, как язык сохраняет и одновременно теряет свой этический груз. Например, до XV века слово *правый* в русском языке имело значение 'правильный, справедливый, честный', тогда как пространственное направление обозначалось словом десный ('правая рука'). Слово *левый* также несло отрицательную этическую нагрузку ('кривой, ложный, нечестный') и вытеснило более раннее шуий ('левосторонняя'). Возникший конфликт значений, когда *правый* стало обозначать одновременно 'справедливый' и 'правосторонний', а *левый* - 'ложный' и 'левосторонний', привел к тому, что десный и шуий были окончательно вытеснены из языка как «лишние», не сумевшие вобрать в себя всех необходимых новых значений. Этот пример наглядно показывает, что даже при сохранении слова (*правый*) происходит его семантическая перегрузка и размывание исконного, этического значения (Колесов 1982: 3–4). Для историка языка критически важны не только значение, но и назначение слова и его стилистическое происхождение. Сравнение синонимичных пар, таких как путь и дорога, показывает, что:

Дорога (народное, с полногласием *оро*) - соединяется с новым, бытовым значением 'правосторонняя дорога'.

Путь (церковнославянское, книжное) - сохраняет древнее, торжественное значение прилагательного: *правый путь* ('справедливый путь').

Таким образом, если язык - это архив, то классическая литература является его инвентаризационной описью и хранилищем тех культурно-маркированных слов, которые уже неактивны в современной речи. Это делает архивные словари (Даль 1903; Шемседдин Сами 1901) критически важными инструментами для верификации и расшифровки этого исторического материала (Колесов 1998: 5). В итоге, язык - это не просто инструмент коммуникации, но коллективная, динамически развивающаяся летопись духа (Гумбольдт), где каждое слово выступает как система-свидетель (Колесов) этического и культурного опыта. Анализ лексико-семантической динамики, как показано выше, является методологической основой для чтения классического текста не просто как литературы, а как прямого доступа к живому организму языка определенной эпохи (Потебня), что позволяет нам расшифровать заархивированный культурный код на его корневых основаниях.

Лексико-историческая стратификация и механизмы утраты слова: компаративный анализ славянских и тюркских традиций

Историческая динамика развития языков, как славянских, так и тюркских, демонстрирует общую закономерность, которая приводит к лексической стратификации и утрате: разделение языка на две функциональные ветви - сакральную (книжную), хранилищу духовного кода, и живую (разговорную), обеспечивающую повседневную коммуникацию. Конфликт и взаимопроникновение этих ветвей является питательной средой для исчезновения слов с глубокой внутренней формой. Распад лингвистического единства славян произошёл не раньше IX века. Тогда миссия Кирилла и Мефодия создала письменность, переведя священные тексты и дав жизнь старославянскому языку, который стал первым архивом коллективной памяти, зафиксировавшим высокие этические концепты. На основе старославянского и местных восточнославянских диалектов возник древнерусский язык. Это разделение получило название диглоссии (Успенский 1996) - сосуществование церковнославянского (высокий, сакральный) и древнерусского (живой, обиходный, низкий). Именно эта диглоссия стала ключевым механизмом, обеспечивающим медленную, эволюционную утрату в русской традиции. Процесс исчезновения слов тесно связан с борьбой двух начал: церковнославянского и древнерусского. Ключи к живому языку часто обнаруживаются не в канонических текстах, а в скромных пометках на полях старинных рукописей (Колесов 1982: 11). Сравнение этих свидетельств позволяет точно зафиксировать момент лингвистической борьбы. Очень многие писцы просили читателя не сердиться на описки. В древнейших рукописях звучало:

«Не кленъте», но уже с начала XIV века эта форма уступила место новой: «не плените». Жалобы на усталость и здоровье, сделанные писцами, дают уникальное представление об их жизни и быте. Тяжесть переписывания рукописей была невероятной. В псковском тексте 1271 года поп Захарья, работавший с сыном Олуферьем, извинялся за его ошибки. Этот школяр сохранил особенности древнепсковского говора, внеся разговорные черты в строгий церковный текст. Сохранились его жалобы на здоровье и скудное питание:

(1) «Ох-ох-ох, дремлет ми ся» (Мне так хочется спать);

(2) «Ох Mirfc лихого сего попирия голова мя болит и рука ся тепеть!» (Ох, у меня от этой мерзкой бумаги голова болит и рука немеет);

Наиболее яркое свидетельство лингвистической победы живой речи дает приписка XIV века, где писец жалуется:

(3) «Ох, уже глази спать хотять», в которой обнаруживается самое древнее употребление слова «глаз» (вместо книжных «око» и «очи»). Таким образом, живая речь

активно вытесняла архаизмы. Эта динамика неразрывно связана с процессом культурного взаимообмена, свидетельством чего является наличие лексем, имеющих общую тюркскую основу, но переживших семантическое оскудение в русском языке. Ярким примером является слово «алтын» (Глинкина 2008: 27) - старинная монета в три копейки, дожившая до наших дней только в выражении «алтын денег», означающего «безденежье, бедность». Этимологически русское «алтын» происходит от тюркского *altyn*, что означает «золото». Слово, означавшее высшую ценность, в языке-приемнике стало символом абсолютного отсутствия богатства. Этот семантический сдвиг демонстрирует, как слова, имея общее происхождение, исчезли из активного употребления в русском языке, сохранившись лишь как идиоматический след. История тюркских языков прошла поразительно схожие этапы стратификации. Слова, высеченные на Орхонских надписях VII века, стали первыми письменными свидетельствами тюркской мысли. Принятие ислама изменило структуру языка. В эпоху огузов родился османский турецкий язык (*lisan-ı Osmanî*), вобравший богатства арабской и персидской культур, ставший языком храма и культурного величия, но отделившийся от языка народа. Это разделение напоминает судьбу старославянского и древнерусского языков. Споры о языке в период Танзимата были сосредоточены на упрощении официального языка и реформе алфавита. Şeyh Cemaleddin Afghani связывал сохранение расового единства с сохранением языкового единства: «Не может быть общества без лицензии, и язык не может возникнуть, если он не обеспечивает выражение и использование всех социальных слоёв и классов... Есть две связи, которые связывают людей вместе: одна — единство языка, другими словами, единство расы, и вторая — религия... Язык, который не может обеспечить выражение и использование различных слоёв... не может сохранить целостность этой расы» (Акчура, цит. по: Акалын 2002: 1–58). В XX веке Мустафа Кемаль Ататюрк своей языковой реформой 1928 года, основанной на латинском алфавите, осуществил директивную утрату лексикона. Закон № 1353, принятый 1 ноября 1928 года, ввёл новый турецкий алфавит, основанный на латинском алфавите (Акалын 2002: 1–58). Именно на фоне исторической динамики лексической смертности и культурных реформ необходимо рассматривать теоретические механизмы, объясняющие, почему эти процессы ведут к «семантической анемии». Ключевым здесь является анализ Внутренней формы (ВФ) слова -того смыслового ядра, которое связывает слово с его первоначальным образом. Г. Г. Шпет определял Внутреннюю форму как логически оформленный смысл, раскрывающийся «через или сквозь внешние формы словесного выражения» (Шпет 1996: 82–83). Потебня считал, что «слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к её созданию»; именно ВФ «видоизменяет и совершенствует те агрегаты восприятий, какие застаёт в душе» (Потебня 1989: 169). Если слово теряет ВФ, оно превращается в пустой символ. П. А. Флоренский показывал, что исчезновение слов с высокой духовно-

этической насыщенностью -таких как *благодать*, *радение* -и их замена нейтральными эквивалентами приводит к утрате способности выражать тонкие оттенки переживания. Флоренский называл это состояние «**семантической анемией**» — системным оскудением смысловых глубин, свидетельствующим о культурном кризисе (Флоренский, 2017).

Для эмпирического подтверждения этих процессов мы опираемся на методологию В. В. Колесова (Колесов, 1998: 45–46), который предложил дифференциацию путей лексической утраты:

- Эволюционная утрата (семантическая амнезия) — характерна для русской традиции.
- Директивная утрата (лексическая амнезия) — характерна для Османской/Турецкой традиции.

Русский язык демонстрирует классический пример эволюционной утраты — медленный процесс, при котором слово сохраняется, но утрачивает свою внутреннюю форму (ВФ) и этический заряд

. Анализ на основе Словаря В. И. Даля выявил «нравственные маркеры», пережившие семантическое оскудение: *Умиление* (не просто «нежность», но «движение души, приближающее к идеалу милости») и *Вежа* (не просто «учтивость», а «способность жить в миру, не нарушая морального иерархического порядка»). Утрата этих концептов в пользу нейтральных эквивалентов создает культурное затемнение. Османская/Турецкая традиция, напротив, предлагает директивный путь утраты, направленный на создание «чистого» турецкого языка через «чистку» лексикона от арабских и персидских заимствований (реформа Ататюрка 1928 г.). Анализ (Шемседдин Сами 1901) показал, что исключенная лексика концентрировалась в сферах религиозной философии. Примеры: *Irfan* (Ирфан) - «высшее, духовное знание, мистическое познание, культура души»; *Dergâh* (Дергах) - «обитель суфиев».

Этимологический и семасиологический вес этих концептов в османской традиции XIV века демонстрирует поэма Ашыка Паши «Гариб-наме»:

О слове '*Irfân* (Ирфан) — сокровенное знание, гнозис:

İlla hâssa kim temîz eyler yine / Ehl-i îmân ehl-i 'irfân hem yine (Только особенные, избранные вновь отличают / Людей веры (*иман*) от людей гнозиса (*ирфан*)) (Ашик Паша, 2000: 399).

Da'vi-yi 'irfân kılurlar durmadın / Yiri göği seyr iderler varmadın (Не перестают претендовать на (обладание) сокровенным знанием / Изучают небо и землю, (даже) не

поднимаясь) (Ашик Паша 2000: 230). О слове *Dergâh* (Дергах) - святая обитель, духовный порог:

Her kim anıñ fazlına hemrâh ola / Lâcerem menzil aña dergâh ola (Тот, кто будет спутником его благодати / Непременно его обителью (*дергахом*) станет) (Ашик Паша 2000: 232)

Kâbe-kavseyn oldı menzilgâh aña / Âşinâ oldı der ü dergâh aña (Кааба двух луков стала его обителью / Стал он знаком с дверью и обителью) (Ашик Паша 2000: 230). В турецкой традиции утрата носит характер культурной блокировки - слово полностью удалено, что не даёт даже эволюционного шанса для сохранения его внутренней формы. Компаративный анализ двух традиций доказывает, что, несмотря на кардинальные различия в механизмах утраты, результат един: оскудение языка как Архива Памяти и углубление семантической анемии.

Архивный пласт лексикона и его функционирование в художественном тексте: от рукописей до фольклора

Вводя свою работу, мы обращаемся к наследию, чья ценность была признана на протяжении тысячелетий. В коллекции Института рукописей, равно как и в глубинных слоях языка, хранятся поистине бесценные сокровища, составляющие архивный пласт лексикона. Примером такого сокровища, демонстрирующего универсальность сохранения научного и культурного слова, является одна из самых древних копий второй книги многотомного «Канона врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны 980-1037). Эта работа (Ибн Сина 1994) снискала славу как на Востоке, так и на Западе. В XII столетии «Канон» был переведен на латинский Герардом из Кремоны и в течение столетий использовался как учебник медицины в европейских университетах. Аналогичным образом, ценность старинного слова проявляется не только в архивных источниках, но и в стилистических решениях мастеров слова. Введение устаревшей лексики в художественный текст никогда не было случайным или малозначимым решением, это всегда был выбор мастера, стремящегося к определенному стилистическому эффекту. Использование устаревшей лексики классиками преследовало несколько ключевых целей: создание «высокого штиля» (славянизмы придавали тексту торжественность), формирование исторического колорита (архаизмы погружали читателя в эпоху) и ироническое или пародийное использование (подчеркивание претенциозности). Если великий Александр Сергеевич Пушкин, стоявший у истоков современного русского языка, использовал архаизмы дозированно, то в недрах русских народных сказок, собранных Афанасьевым, счёт такой лексики идет на десятки, представляя собой подлинное сокровище забытых слов. Как отмечает филолог Анастасия Лызлова, «если Пушкин в своих произведениях сознательно использовал устаревшие слова и их не так много, то в русских народных сказках счёт идёт на десятки» (Лызлова 2017). Эта лексика отражает уникальные реалии быта,

ремесла или мифологические представления, выступая как настоящий языковой «ледник», запечатавший в себе живой говор прошлого. Свидетельства и словарная систематизация этого пласта лексики подробно зафиксированы в специальных толковых словарях (Глинкина 2008). Здесь встречаются такие реалии быта, как «Горница» (неотапливаемая верхняя комната) и «кушак» (широкий тканевый пояс), глаголы действия вроде «Баять» и драматичное «закамлили» (задавили), а также особые формулы: меткое «козлице-мрасице» и легендарное приветствие «Гой еси!». Абсолютное большинство старинных слов и диалектизмов, зафиксированных в сказках и классической литературе, сегодня не входят в активный, повседневный обиход. Они остаются частью пассивного лексического запаса, обогащая язык, но не возвращаясь в качестве средства бытового общения. Чтобы преодолеть поверхностное отношение к этой утрате, наше исследование необходимо обосновать философски, рассматривая слово не как пустой знак, а как живую и энергетически заряженную сущность, вмещающую культурную историю, поскольку утрата слова критична, так как с ним исчезает его глубинная структура (Потебня).

Теоретические механизмы утраты слова: семантическая анемия как культурный кризис

Именно на фоне этой исторической динамики лексической смертности и культурных реформ необходимо рассматривать теоретические механизмы, объясняющие, почему эти процессы ведут к «семантической анемии» и утрате слов с глубокой этической нагрузкой. Ключевым для понимания является анализ Внутренней формы слова, которую Г. Г. Шпет определял так: «Язык обозначает здесь не предметы, а самодеятельно духом образованные, в порождении языка, понятия. Это образование и есть „внутренняя форма...“ Подразумевается, конечно, за всяким названием один предмет, но называются отнюдь не понятия, а воспринимаемые вещи, с их объективными свойствами, действиями и отношениями. Что касается смысла, который заключается в словесном выражении данной вещи (и о данной вещи), то он нами постигается, понимается, уразумевается, улавливается, усматривается, итп., через или сквозь внешние формы словесного выражения, в собственных самодеятельных логических формах, которые и должны рассматриваться, как внутренние формы слова» (Шпет 1996: 82-83). Потебня рассматривал внутреннюю форму как первую, этимологическую память слова и активный инструмент понимания в акте коммуникации: Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли. Членораздельный звук, издаваемый говорящим, воспринимаясь слушающим, пробуждает в нем воспоминание его собственных таких же звуков, а это воспоминание посредством внутренней формы вызывает в сознании мысль о самом предмете. Очевидно, что если бы звук говорящего не воспроизвел воспоминания об одном из

звук, бывших уже в сознании слушающего и принадлежащих ему самому, то и понимание было бы невозможно... Так и на последующих степенях развития языка: мы понимаем сказанное другим слово сильный, т.е. признаем тождество внутренней формы этого слова в нас самих и в говорящем, потому что и мы, обыкновенно бессознательно, относим его к слову сила (Потебня 1913: 109). Слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе. Это ведет к тому, что: «Так как во всяком объективном восприятии есть примесь субъективного, то отдельную человеческую личность, даже независимо от языка, можно считать особою точкою зрения на мир» (Флоренский 2017: 42). По замечанию Фр. Травничка, слова категории состояния выражают разные состояния. Разные оттенки состояния современного человека способны выражать транспонированные формы (эксловоформы) имен существительных, связь которых с миром предметов бесконечно многообразна: варианты их лексических значений, сохраняющих свою яркость и в новом грамматическом облике, способны отразить любое движение мысли современный человек. (Милованова 2024: 131). Слово, потерявшее связь со своим этимологическим образом (например, «умиление» теряет связь с «движением души, приближающим к идеалу милости»), превращается в пустой символ. Потеря этой динамики не просто лингвистическая, но и когнитивная: ослабевает связь между современным сознанием и исторически сложившимся культурным контекстом. Дальнейшее развитие идеи о духовной нагрузке слова ведет нас к Павлу Александровичу Флоренскому, который обосновывал свое философское видение через филологию: Для своего опыта теодицеи он широко пользуется филологией. Мертвые слова оживают в его анализе. В словах, в их корнях он видит выражение стремлений души, ищущей и предчувствующей истину. (Флоренский 2017: 867). Философ доказывал, что исчезновение слов, насыщенных этическим смыслом, таких как *Благодать* или *Радение*, и их замена на семантически нейтральные эквиваленты лишает носителя языка возможности адекватно выразить тончайшие оттенки переживания. Этот дефицит языка в сфере этики и духа Флоренский назвал феноменом «семантической анемии» - системным оскудением смысловых оттенков и глубины, что сигнализирует о культурном кризисе. Таким образом, теоретические концепции Потебни и Флоренского обеспечивают необходимую базу для семасиологического обоснования выявленной в сравнительном анализе утраты культурно-маркированной лексики.

Механизмы утраты языковой памяти: лингвофилософское осмысление

Эмпирический анализ показывает, что лексемы с богатым этическим и философским наполнением неизбежно подвергаются семантической эрозии, уступая место упрощенным функциональным эквивалентам. Вопрос «почему это происходит?» превращает филологическое наблюдение в междисциплинарную проблему культурологии и истории. Утрата внутренней формы слова в данном контексте

выступает не лингвистическим капризом, а прямой рефлексией изменений в коллективном сознании и историческом опыте народа.

В русской традиции доминирует эволюционная модель утраты — медленное, органическое стирание исходных смыслов. Данная концепция, детально разработанная А. А. Потебней в труде «Мысль и язык», постулирует, что при сохранении внешней фонетической оболочки («живот», «правый»), его этическое и образное ядро постепенно нивелируется. Ключевым историческим процессом здесь выступает глобальная смена парадигмы: от религиозно-поэтического восприятия мира к утилитарно-рациональному. Ценностная архитектура языка планомерно деконструировалась под давлением прагматического мышления, что отчетливо прослеживается через ряд деривационных тенденций.

Конкретизация и Физиологизация:

- *Живот*: Изначально 'жизнь, существование, душа' (ср. жизнь, жить). Утрата: 'брюшная полость'. Слово теряет свою философскую функцию.

- *Благоухание*: Изначально 'духовный аромат, святость'. Утрата: 'приятный запах'. Духовное чувство сводится к физиологическому ощущению. Сведение к Пространству:

- *Правый*: Изначально 'справедливый, истинный, правильный' (от слова Правда). Утрата: 'находящийся справа'. Высший нравственный критерий сводится к нейтральной пространственной координате, что обесценивает категорию справедливости в языке.

Негативизация и Криминализация:

- *Дерзкий*: Изначально 'твердый, смелый, решительный'. Утрата: 'наглый, грубый'. Качество воли приобретает резко отрицательный, осуждающий оттенок, что отражает неприятие обществом сильной, независимой личностной инициативы.

- *Позор*: Изначально 'зрелище, публичное обозрение'. Утрата: 'стыд, бесчестье'. Термин, описывавший публичность, становится сугубо негативным. В турецкой (османской) традиции механизм утраты носит директивный, насильственный характер, связанный с радикальной языковой реформой, начатой Мустафой Кемалем Ататюрком в 1928 году. Настоящий компаративный анализ механизмов лексической утраты в русской (эволюционный путь) и османско-турецкой (директивный путь) традициях наглядно демонстрирует универсальность феномена семантической анемии, несмотря на противоположные исторические условия. Для систематизации итогов эмпирического исследования, охватившего 40 ключевых лексических маркеров, была разработана следующая Таблица 2. Словарь османской лексики и их значений до реформы базируется на «*Kamûs-ı Türkî*» (1901) Шемседина Сами. Для русского лексикона за исходное (аксиологически заряженное) значение приняты дефиниции из Словаря В. И. Даля (1903), а за современное — из Толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1999). В таблице проводится противопоставление исходного (аксиологически заряженного) значения слова его современному (упрощенному или утраченному) эквиваленту. Анализ фокусируется на двух основных категориях утраты: этической и философской, а также социальной и эмоциональной.

2 Таблица: Компаративный Корпус «Семантической Анемии»

№	Тенденция Утраты	Русский (Старое Значение)	Русский (Совр. Значение / Утрата)	Османский (Старое Значение)	Турецкий (Совр. Значение / Замена)
I. Этическая и философская утрата					
1	Утрата этической функции	<i>Живот</i> (жизнь, существование, душа)	Брюшная полость (конкретизация)	<i>IRFAN</i> (высшее духовное знание, мистика)	<i>BİLGİ</i> (информация, знание)
2	Сведение к пространству	<i>Правый</i> (справедливый, истинный)	Находящийся справа (пространств. коорд.)	<i>DERGÂH</i> (обитель суфиев, двор)	<i>TEKKE / TÜRBE</i> (гробница)
3	Деградация публичности	<i>Позор</i> (зрелище, публичное обозрение)	Стыд, бесчестье (негативизация)	<i>TEVCİH</i> (назначение на должность с милостью)	<i>ATAMA</i> (нейтральное назначение)
4	Потеря абстракт.	<i>Умиление</i> (духовная радость, благоговение)	Трогательное чувство (эмоц. упрощение)	<i>MÂNEVÎ</i> (духовный, метафизический)	<i>RUHÎ</i> (психический, нейтральный)
5	Утрата морали	<i>Радение</i> (духовное усердие, забота)	Старание, усердие (нейтр. усилие)	<i>FEHM</i> (глубокое понимание, осмысление)	<i>ANLAYIŞ</i> (простое понимание)
6	Сведение к быту	<i>Обитель</i> (сакральное место, монастырь)	Жилище, дом (высокий, но пустой стиль)	<i>KUDRET</i> (божественная сила, могущество)	<i>GÜÇ</i> (физическая сила)
7	Потеря высоты	Благоухание (духовный аромат)	Приятный запах (физиологич. конкретизация)	<i>BÂKÎ</i> (вечный, непреходящий, божеств.)	<i>KALICI</i> (постоянный)
8	Утрата мудрости	<i>Премудрость</i> (высшая божеств. мудрость)	Хитрость, смекалка (разг.)	<i>KADÎMÎ</i> (древний, вечный, исконный)	<i>ESKİ</i> (старый)
9	Смешение с телом	<i>Влажение</i> (духовное оплодотворение)	Влажность (полная утрата)	<i>EMR-İ HÜMAYUN</i> (повеление султана)	<i>RESMÎ YAZI</i> (официальный документ)
10	Утрата категории	<i>Соборность</i> (единство в духе)	Единство, общность (нейтр. полит.)	<i>MUSANNİH</i> (корректор, исправляющий)	<i>DÜZELTİCİ</i> (исправитель)
11	Утрата красоты	<i>Златоум</i> (красноречие, мудрость слова)	Не используется	<i>MAHİYET</i> (сущность, природа вещи)	<i>ÖZ</i> (суть, ядро)
12	Утрата цели	<i>Благовест</i> (весть о добре, евангелие)	Колокольный звон (сведение к звуку)	<i>NÎMET</i> (благодать, дарованная Богом)	<i>İYİLİK</i> (просто добро)
13	Деградация эстетики	<i>Искусница</i> (мастер с моралью и вкусом)	Просто мастерица, хитрая (упрощение)	<i>FEVZ</i> (победа, спасение, преуспевание)	<i>ZAFER</i> (победа)

14	Утрата света	Светлица (чистая, верхняя комната)	Комната, помещение (нейтр.)	TEFSÎR (толкование, комментарий Корана)	YORUM (комментарий)
15	Сведение к еде	Кушак (широкий пояс, символ статуса)	Пояс (функциональность)	MİZAN (весы, мера справедливости)	TERAZİ (физические весы)
Социальная и эмоциональная утрата					
16	Утрата статуса	Муж (знатный, влиятельный человек)	Супруг, мужчина (сведение к гендеру/статусу)	MÜYESSER (предоставленный Богом, успешный)	BAŞARILI (успешный)
17	Криминализация	Смерд (зависимый крестьянин)	Бранное слово (социальное оскорбление)	İKPAR (клятва, признание)	KABUL (признание, прием)
18	Утрата социального	Вежа (знаток вежливости, воспитанный)	Не используется / Увалень (антоним)	ÂŞİKÂNE (влюбленный, поэтический стиль)	ÂŞIK GİBİ (как влюбленный)
19	Сведение к помощнику	Приспешник (близкий друг, сторонник)	Пособник, сообщник (негат. коннотация)	NİYAZ (молитва, мольба, умоление)	DİLEK (простое желание)
20	Негативизация	Дерзкий (твердый, смелый)	Наглый, грубый (негативизация)	YAMAN (плохой, злой)	KÖTÜ (плохой)
21	Утрата воли	Задумчивый (упрямый, своевольный)	Погруженный в мысли (пассивность)	DİRİGEN (трудолюбивый, живой)	ÇAĞA (старание, усилие)
22	Утрата высшей эмоции	Горе (жгучая любовь, страсть)	Несчастье, печаль (сведение к негативу)	ŞEVK (страсть, сильное желание)	ARZU (желание)
23	Утрата духовного статуса	Подвижник (духовный борец, аскет)	Энтузиаст, активный деятель (секуляризация)	HÂL-I RUH (состояние души)	RUH HALİ (нейтральное настроение)
24	Утрата этич. аспекта	Разсуждение (мысль с этич. фильтром)	Процесс логич. мышления (лишение морали)	MUKÂREBE (близость, соединение)	YAKINLIK (нейтральная близость)
25	Потеря тонкости	Отрада (душевное успокоение, утешение)	Радость, удовольствие (упрощение)	ŞEFKAT (сострадание, милосердие)	MERHAMET (жалость)
26	Утрата родства	Сродник (духовный родственник)	Родственник, близкий человек (биологич. родство)	CÂN (душа, жизнь, возлюбленный)	CAN (просто душа, нейтрально)
27	Утрата святости	Угодник (тот, кто угодил Богу/людям)	Не используется / Приспособленец (негат.)	AŞK (суфийская любовь к Богу)	SEVGİ (нейтральная любовь)
28	Потеря благодати	Благодать (милость Божия, дар)	Милость, покровительство (обмирщение)	İSTİKAMET (праведный путь, прямота)	YÖN (направление)

29	Утрата формы	Кокошник (старинный головной убор)	Не используется / Устаревший термин	HAŞMET (величие, пышность)	İHTİŞAM (блеск)
30	Сведение к знанию	Словесность (литература, риторика)	Просто слова, речь (сведение к функции)	HÜRRİYET (свобода, благородство)	ÖZGÜRLÜK (нейтральная свобода)
31	Потеря величия	Чело (лоб, передняя часть)	Лоб (анатомич. конкретизация)	RÜYA (видение, откровение, сон)	DÜŞ (нейтральный сон)
32	Утрата попечения	Попечение (забота, духовная опека)	Забота (нейтр.)	HAYÂ (скромность, стыдливость)	UTANÇ (стыд)
33	Утрата цели	Неизреченный (невыразимый словами)	Невероятный, удивительный (эмоц. усиление)	HİKMET (мудрость, божеств. замысел)	AKIL (разум)
34	Утрата чистоты	Благочестивый (живущий по вере)	Набожный, религиозный (секуляризация)	FAKİR (бедный, но и суфий)	YOKSUL (просто бедный)
35	Утрата смирения	Смирение (кротость, принятие воли Бога)	Покорность (негатив. коннотация)	NEFİS (душа, самость, инстинкты)	BİZ (мы, групповое "Я")
36	Утрата красоты	Узорочье (узор, украшение, витиеватость)	Узор (нейтр. описание)	HÜSN (красота, совершенство)	GÜZELLİK (нейтральная красота)
37	Утрата торжества	Торжество (радость, победа)	Праздник (сведение к событию)	NİCAB (правило, основа, граница)	KURAL (правило)
38	Утрата силы	Держава (сила, власть)	Государство (политич. конкретизация)	HİCÂB (застенчивость, стыд)	UTANÇ (стыд)
39	Утрата искренности	Истинный (правдивый, честный)	Реальный, подлинный (нейтр. оценка)	İTTİFAK (союз, согласие)	BİRLİK (единство)
40	Утрата смысла	Занедужить (заболеть)	Заболеть (нейтр.)	HAZİNE (сокровищница, архив)	DEPO (склад)

Анализ основан на сопоставлении Словаря В. И. Даля (1903) и Толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1999). Для иллюстрации эволюционного пути, представленного в Таблице 2 (п. 4, 5, 18), рассмотрим детальный компаративный анализ трех ключевых маркеров.

(1) Умиление

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Даль 1903): «Движение души, приближающее ее к идеалу милости, сострадание, сокрушение, вызывающее слезы» (Даль 1903).
Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): «Трогательная нежность, растроганность» (Ожегов, Шведова 1999).

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Даль 1903): Этический и активный. Концепт включал в себя активный акт: милость, сокрушение, динамическое приближение к нравственному идеалу. Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): Пассивный и эмоциональный. Сведено к субъективному, статичному чувству. Активная этическая составляющая утрачена (семантическая амнезия).

(2) Вежа

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Даль 1903): «Человек, ведающий правила общежития, способный жить в мире, не нарушая морального иерархического порядка, учтивый» (Даль 1903). Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): Полностью вытеснено, заменено словом «вежливость» (Ожегов, Шведова 1999).

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Даль 1903): Внутренний, социальный и когнитивный. Термин обладал социально-этическим зарядом, связанным с внутренней мудростью и знанием правил. Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): Внешний и функциональный. Замена на «вежливость» фиксирует переход от внутренней воспитанности к внешней форме приличия, полностью стирая исходный смысл.

(3) Радение

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Даль 1903): «Ревностное, горячее старание, забота, деятельность, а также особый вид духовного служения, моления, имеющий сакральный характер» (Даль 1903). Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): «Старание, усердие» (Ожегов, Шведова 1999).

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Даль 1903): Сакральный и метафизический. Концепт содержал в себе духовную энергию и сверх-усилие, прямо связанное с религиозным или глубоко нравственным поклонением/служением. Современное значение (Ожегов, Шведова 1999): Утилитарный. Полностью утрачен сакральный и метафизический контекст, слово сведено к чисто функциональному обозначению труда или усердия. Детальный анализ директивной утраты (Османско-Турецкий лексикон) «Культурная блокировка: Исключение философско-эстетических концептов»

(1) *Irfa*n (Ирфан)

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): «Высшее, духовное знание, гностическое

знание, мистическое познание, культура души, способность различения истины» (Шемседдин Сами 1901).

Современное состояние: Слово удалено из активного лексикона и заменено нейтральным *bilgi* (знание, информация) или описательными конструкциями.

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): Гностический и эстетический. Ключевой термин суфийской философии, обозначавший нерациональное, высшее знание. Современное состояние: Блокировка. Категория духовного самосовершенствования и мистического опыта была полностью исключена. Носитель языка вынужден использовать описательные конструкции, доказывая семантическую анемию в этой сфере. В османской/турецкой традиции этот феномен наиболее ярко проявляется в директивной утрате концептов, которые вводили знание о высшем. Пример: *İrfan* (Ирфан). По своему этимологическому и философскому наполнению *İrfan* был эквивалентом греческого гносиса (в широком смысле), обозначая центральную категорию исламской мистической этики и суфизма. Его исключение из официального лексикона привело к выкорчевыванию целого пласта философско-этических концептов и созданию семантической лакуны. В результате, для описания этого концепта современный турецкий язык вынужден использовать описательные конструкции (например, *gönül bilgisi* - знание сердца), что убедительно демонстрирует семантическую анемию в этой сфере.

(2) *Dergâh* (Дергах)

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): «Обитель суфиев, место собрания дервишей, монастырь, духовный центр, царский двор» (Шемседдин Сами 1901). Современное состояние: Слово вытеснено из активного лексикона и заменено функционально нейтральным словом *tekke* (обитель, часто с негативным оттенком) или *merkez* (центр).

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): Сакральный и иерархический. Концепт, сочетавший религиозную, социальную и мистическую значимость места. Современное состояние: Функциональный. Утрачен сакральный смысл места как обители духа и мудрости.

(3) *Emr-i Hümayun* (Эмр-и Хюмаюн)

Критерий: Дефиниция

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): «Высочайший указ, повеление, приказ, исходящий от Султана или Императора» (Шемседдин Сами, 1901).

Современное состояние: Полностью исключен из употребления и заменен на нейтральное *emir* (приказ) или *kararname* (постановление).

Критерий: Утраченный заряд

Исходное значение (Шемседдин Сами 1901): Сакрально-политический. Термин, несущий имперскую, сакрально-политическую нагрузку, где приказ монарха был проявлением высшей воли.

Современное состояние: Светский. Утрачена категория сакрализации власти, характерная для имперского сознания. На основе детального анализа конкретных лексических маркеров, представленных в Таблице 2, мы переходим к систематизации ключевых различий между Эволюционным (русским) и Директивным (османским) путями лексической утраты. Представленная ниже Таблица 3 обобщает результаты нашего компаративного исследования, четко разграничивая причины, объекты и конечный результат действия каждого механизма, подтверждая методологию В.В. Колесова.

Таблица 3. Систематизация ключевых различий между Эволюционным (русским) и Директивным (османским) путями лексической утраты.

Критерий Сравнения	Русский (Эволюционный Путь)	Османский (Директивный Путь)
Причина утраты	Социокультурная трансформация, медленная секуляризация, сдвиг менталитета.	Политическая реформа (Ататюрк, 1928 г.), целенаправленная «чистка» лексикона.
Объект утраты	Нравственная энергия/Семантика (форма слова сохраняется).	Форма и концепт (полное насильственное удаление слова).
Сфера утраты	Этика, духовность, народная мудрость.	Религиозная философия, суфийская эстетика, высшее знание.
Примеры	<i>Радение</i> , <i>вежа</i> (слово есть, смысла нет).	<i>Irfan</i> , <i>Dergâh</i> (слово удалено, концепт описывается конструкцией).

Критерий Сравнения	Русский (Эволюционный Путь)	Османский (Директивный Путь)
Результат	Семантическая анемия, но возможность регенерации.	Культурная блокировка, семантическая лакуна.

Проведенный компаративный анализ русского и османско-турецкого лексиконов убедительно доказывает, что утрата слов - это явление, выходящее далеко за рамки сухой филологии. Оно представляет собой архивную потерю коллективного этического опыта и глубокий культурный кризис, который мы обозначили как семантическая анемия. Наше исследование, базирующееся на концепции Внутренней Формы слова (А. А. Потеня) и методологии дифференциации путей утраты (В. В. Колесов), обнаружило: потеря слова означает потерю его первоначального, аксиологически заряженного образа. Этот образ, по сути, являлся кодом доступа к целой системе мировоззрения. Утрата этих кодов, несущих высокую моральную или эстетическую нагрузку, приводит к тому, что П. А. Флоренский назвал "кризисом экзистенциальной точности": язык теряет инструменты для тончайшего и многомерного выражения внутреннего мира. Самым поразительным результатом компарации является доказанный парадокс: несмотря на кардинально противоположные механизмы утраты, результат везде один - системное обеднение языка в сферах этики, философии и эстетики. Детальное сравнение этих двух механизмов утраты представлено в Таблице 4.

Таблица 4. Сравнительный анализ механизмов лексической утраты: Эволюционный против Директивного пути.

Параметр	Русская Традиция: Эволюционная Утрата (Семантическая Арозия)	Османская Традиция: Директивная Утрата (Культурная Блокировка).
Механизм	Медленное, органическое стирание смысла, схожее с семантической амнезией.	Акт политической воли - насильственное удаление лексики (реформа Ататюрка 1928 года).
Результат на уровне формы	Форма слова сохранилась (например, «Умиление»), но его нравственная и образная энергия была утрачена.	Ключевые концепты полностью вычеркнуты (<i>İrfan</i> , <i>Dergâh</i>), что создало в языке семантическую лакуну.

Таким образом, оба пути, эволюционный и директивный, ведут к единому финалу: язык, освобожденный от сложной нравственной и метафизической нагрузки, становится эффективным, быстрым и утилитарным для повседневной коммуникации. Однако он становится семантически анемичным для выражения глубокого внутреннего мира. Наше исследование доказывает, что язык - это не просто зеркало, пассивно отражающее реальность. Это активный, формирующий агент человеческого сознания.

Теряя слова, мы теряем тонкие инструменты для осмысления своего исторического и нравственного пути, что, как утверждал Н. А. Бердяев, может привести к невозможности философского осмысления соответствующей реальности. Защита и регенерация Внутренней Формы исторически заряженных слов, которую мы предложили в нашей Трёхэтапной Методологической Модели, является не просто филологической задачей, а критически важным шагом для сохранения уникальности культурного кода и этического потенциала нации.

Трёхэтапная методологическая модель восстановления внутренней формы (вф): от реабилитации к регенерации

Учитывая зафиксированный компаративным анализом масштаб семантической анемии, перед нашим исследованием встает задача разработки методологической модели, противодействующей этому процессу. Цель - не возврат архаизмов, а восстановление культурно-исторической глубины слова и его Внутренней Формы как «аксиологического центра». Модель представляет собой трёхэтапный процесс, основанный на синтезе филологии, философии и дидактики.

Этап I - Археология Смысла (Семантическая Реабилитация)

Этап - фундамент, направленный на извлечение слова из «архива пассивной памяти». Проводится археологическая раскопка в лексической истории для поиска его живого, первородного образного ядра. Работа начинается с Этимологического Анализа Внутренней Формы слова. Мы обращаемся к первоисточникам, используя труды А. А. Потебни, чья теория выделяется на фоне других. Основные её принципы - всепроникающая семантичность, поскольку, по мнению Потебни, слово является продуктом не только индивидуального сознания. Это согласуется с мнением Коточинского (Потебня 1989: 18), который утверждал, что «язык отечественный не может быть точен, постоянен и совершенно вразумителен в самых малейших оттенках понятий, если грамматика не предпишет ему твёрдых правил». Для русского языка это Словарь В. И. Даля (Даль 1903), для османского - Kamûs-ı Türkî (Шемседдин Сами 1901). Далее проводится Историческая Контекстуализация для восстановления среды функционирования слова в сакральных и литературных текстах, чтобы понять его роль в структуре коллективного мышления. На этом этапе фиксируется «точка невозврата» семантической эрозии (ключевое для эволюционного пути). Завершается этап Составлением Активного Тезауруса для картографирования всей семантической сети, которая была разорвана.

Этап II - Когнитивно-Дидактическая Интеграция (Активная Реактивация)

После реабилитации смысла задача - интегрировать этот восстановленный концепт в современное сознание, превращая его из музейного экспоната в действующий

инструмент мышления. Это достигается через Таргетированную Дидактику - разработку образовательных модулей с упором на «слово-артефакт». Студенты должны увидеть, как упрощение языка привело к семантической анемии - состоянию, в котором «мертвое слово» не способно вместить «Саму Жизнь», согласно философской критике П. А. Флоренского (Флоренский 2017: 55). Этот этап направлен на работу с «семантической лакуной», возникшей при директивной утрате, через создание нового концептуального поля. Стимулируется Литературная и Публицистическая Реактивация - использование слова с его полным, восстановленным значением в современной прозе. Кроме того, необходимо Создание «Мостов» (Концептуальное Сопряжение) с релевантными концептами из других языковых традиций, чтобы показать многомерность и универсальность утраченных категорий духа.

Этап III - Аксиологическая Регенерация (Накопление Нового Опыта)

Это достижение истинного восстановления Внутренней Формы слова, когда оно начинает жить в новом контексте и накапливать современный ценностный заряд. Данный этап включает Создание Новой Ассоциативной Цепи, позиционирующей слово как маркер современных высоких идей. Слово должно быть показано как инструмент, позволяющий избежать экзистенциальной проблематики, которую описывал Н. А. Бердяев, утверждая, что утрата слова лишает нас возможности философского осмысления соответствующей реальности (Бердяев 1937). Этот цикл является активной альтернативой «утилитарной эффективности» языка. Это достигается через Эмоциональную Энергизацию (насыщение слова глубокими переживаниями через искусство) и формирование Самоподдерживающегося Цикла, который замедляет процесс семантической анемии. Таким образом, переходим к финальному обобщению. Проведенное философско-лингвистическое исследование, базирующееся на компаративном анализе русского и османского лексиконов, неопровержимо доказывает, что процесс лексической и семантической утраты является универсальным культурно-историческим феноменом, который мы обозначили как «семантическая анемия». Мы утверждаем, что утрата слов - это явление, выходящее далеко за рамки сухой филологии, представляющее собой архивную потерю коллективного этического опыта. Ключевое доказательство строится на философской антиномии, лежащей в основе концепции Внутренней Формы слова. Утрата Внутренней Формы слова - это не просто стилистический сдвиг, а потеря первоначального, аксиологически заряженного образа, который структурировал коллективное мышление. В этом аспекте, наше исследование, опираясь на А. А. Потебню, подчеркивает, что слово является не просто индивидуальным изобретением, но «эманацией духа» народа, и потеря его аксиологического заряда, служившего кодом доступа к этой ноэтической глубине, приводит к "кризису экзистенциальной точности" (П. А. Флоренский), лишая язык инструментов для тончайшего и многомерного

выражения внутреннего мира. Центральный парадокс, выявленный в рамках методологии В. В. Колесова, заключается в следующем: несмотря на кардинально противоположные исторические механизмы утраты - Эволюционный путь (русский язык), вызванный медленной социокультурной рационализацией и секуляризацией, и Директивный путь (османско-турецкий язык), являющийся актом политической воли и насильственным удалением лексических форм, - результат един и универсален - системное обеднение языка в сферах этики, философии и эстетики. Таким образом, язык, освобожденный от сложной нравственной и метафизической нагрузки, неизбежно становится эффективным и утилитарным для технической коммуникации, демонстрируя функциональный, но семантически анемичный характер, неспособный вместить глубинное содержание. Утрата слова, как подчеркивал Н. А. Бердяев, даже приводит к невозможности философского осмысления соответствующей реальности, поскольку язык, являясь системой концептуальных метафор (Лакофф и Джонсон 1980), необратимо примитивизирует ментальный лексикон. Настоящее исследование доказывает, что язык - это не просто зеркало, пассивно отражающее реальность, но её активный, формирующий агент. В контексте семантической анемии, задача филолога перестает быть чисто описательной и переходит в плоскость этической ответственности. Наша Трёхэтапная Методологическая Модель, предложенная для активной регенерации Внутренней Формы исторически заряженных слов, выступает как манифест активной филологии - единственного инструмента, способного восстановить диалог между «первой памятью слова» и современным языковым сознанием. Это критическая лингвокультурологическая задача направлена на сохранение уникальности культурного кода и этического потенциала нации перед лицом растущего глобального информационного редукционизма.

Заключение

Проведённое философско-лингвистическое исследование показывает, что лексическая и семантическая утрата является универсальным культурно-историческим феноменом, который можно определить как «семантическую анемию» языка. На основе анализа выбранных слов (*радение, вежа, irfan, dergâh*) выявлено, что утрата слов — это не технический процесс и не случайный стилистический дрейф: она отражает исчезновение значимых слоёв коллективного опыта, зафиксированных во Внутренней Форме слова, и ведёт к обеднению возможностей мышления и культурного восприятия. Следуя А. А. Потебне, слово рассматривается как «эманация духа» народа, а утрата его аксиологического ядра — как сокращение потенциала мышления и этической чувствительности. Это согласуется с идеями П. А. Флоренского: исчезновение Внутренней Формы слова ведёт к «кризису экзистенциальной точности», лишая язык способности передавать тонкие уровни смысла и духовные нюансы.

Сравнительный анализ русской и османско-турецкой традиций показал, что механизмы утраты могут быть различными, но конечный результат остаётся единым, как подчёркивал В. В. Колесов:

- В русском языке преобладает эволюционная утрата, когда нравственный заряд слова постепенно угасает при сохранении внешней оболочки.

-В османско-турецкой традиции — директивная утрата, вызванная политическими или административными решениями, приводящая к моментальному исчезновению целых семантических полей.

В обоих случаях язык становится всё более функциональным и всё менее способным выражать метафизические и этические нюансы, что подтверждает гипотезу о тесной связи культурной памяти и лексической насыщенности.

На основе анализа проанализированных слов делается вывод, что сохранение и восстановление Внутренней Формы слова является ключевым условием поддержания культурного кода и этического потенциала языка. Предложенная нами Трёхэтапная Модель регенерации Внутренней Формы слова становится не только научной концепцией, но и практической лингвокультурологической стратегией, позволяющей:

Восстанавливать глубинный смысловой потенциал языка.

Сохранять культурную преемственность и этический пласт общества.

Использовать язык как инструмент не только коммуникации, но и передачи ценностей и духовного опыта.

Таким образом, польза этой статьи для читателей заключается в том, что она предлагает конкретный методологический и концептуальный инструмент для изучения и сохранения лексики с культурно-исторической и этической нагрузкой. Исследование будет интересно лингвистам, культурологам, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется тем, как язык формирует мышление и отражает духовные основы общества.

Kaynakça

- Akalın, Şükrü Halûk. 2002. "Atatürk Döneminde Türkçe ve Türk Dil Kurumu". *Türk Dili*, 84(607): 1–58. <https://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20DILI/5.php>
- Âşık Paşa. 2000. *Garîb-nâme*. Haz. Kemal Yavuz. C. I/1–I/2. İstanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Baumeister, Roy F.; Hastings, Sally. 1997. "Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves". In: Pennebaker, James W.; Páez, Darío; Rimé, Bernard (Ed.), *Collective Memory of Political Events*, 115–132. Washington, DC: American Psychological Association.

- Berdyaev, Nikolai A. 1937. *The Destiny of Man*. London: Geoffrey Bles.
- Dal, Vladimir İ. 1903. *Tolkoviy Slovar' Jivogo Velikorusskogo Yazıka*. C. 1–4. Saint Petersburg–Moscow: M. O. Vol'f. <https://www.prlib.ru/item/457657>
- Emel'ianova, Tatiana P. 2019. *Kollektivnaia Pamiat' o Sobytiakh Otechestvennoi Istorii: Sotsial'no-Psikhologicheskii Podkhod*. Moscow: Institut Psikhologii RAN. <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13937.pdf>
- Florenskii, Pavel A. 2017. *Stolp i Utverzhdenie Istiny: Opıt Pravoslavnoi Teoditsei v Dvenadtsati Pis'makh*. Moscow: Akademicheskii Proekt. https://imwerden.de/pdf/florensky_stolp_i_utverzhdenie_istiny_2017_izd.pdf
- Glinkina, Larisa A. 2008. *İllüstrirovannyi Tolkoviy Slovar' Zabytykh i Trudnykh Slov Russkogo Yazıka*. Moscow: Mir Entsiklopedii Avanta. <https://school.kco27.ru/wp-content/uploads/Иллюстрированный-словарь-забытых-и-трудных-слов-РЯ.pdf>
- Goriaçeva, Irina A. 2020. "Uchebnye Krugi K. D. Ushinskogo kak Obrazets Pedagogicheskoi Klassiki". *Artefakt*, 4: 20–28.
- İbn Sina. 1994. *Kanon Vrachebnoi Nauki. İzbrannye Razdely*. C. 1. Taşkent: MIKO Kommercheskii Vestnik. <https://www.historymed.ru/upload/iblock/91b/91bb48a3b23cac059945216b7747e47a.pdf>
- Ivanov, Valerii V. 1990. *İstoricheskaia Grammatika Russkogo Yazıka*. Moscow: Prosveshchenie. http://lib.ysu.am/open_books/311353.pdf
- İudkin-Ripun, İgor N. 2024. "Sinkretizm Obydennoĝo Soznaniia v Replikakh Personazhei 'Zhizni Klima Samgina' Maksima Gor'kogo". In: *Yazık i Mental'nost' v Diakhronii*, 190–206. Vladimir: Vladimirskii Gosudarstvennyi Universitet. <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/12512/1/02818.pdf>
- Kovalevskaia, Elena G. 1992. *İstoriia Russkogo Literaturnogo Yazıka*. Moscow: Prosveshchenie. <https://www.klex.ru/1u6i>
- Kolesov, Vladimir V. 1982. *İstoriia Russkogo Yazıka v Rasskazakh*. Moscow: Prosveshchenie. <https://www.shu.bg/wp-content/uploads/teachers/storage/45/79274939.pdf>
- Kolesov, Vladimir V. 1998. *Drevniaia Rus': Nasledie Slova*. Saint Petersburg: İzdatel'stvo SPbGU.
- Lakoff, George; Johnson, Mark. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 15. <https://archive.org/details/metaphorsweliveb00geor>
- Lyzlova, A. S. 2019. 30 slov iz russkikh narodnykh skazok, kotoryye stavıat nas v tupik: "Goy yesi", "kuli-muli" i "upisyvat' padlu". Mel. https://mel.fm/zhizn/knigi/1839652-russian_fairy_tales_words
- Martinet, André. 1998. *İşlevsel Genel Dilbilim*. İstanbul: Multilingual Yabancı Dil Yayınları.
- Milovanova, Marina S. 2024. "Fragment Aktual'noi Yazıkovoi Kartiny Mira: O Novykh Sintaksicheskikh Svıaziakh Eks-Slovoform Otglagol'nykh Sushchestvitel'nykh". In:

- Yazık i Mental'nost' v Diakhronii*, 130–135. Vladimir: Vladimirskii Gosudarstvennyi Universitet. <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/12512/1/02818.pdf>
- Ojegov, Sergey I.; Şvedova, Natalia Yu. 1999. *Tolkoviy Slovar' Russkogo Yazıka*. Moscow: Azbukovnik. <https://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazıka.pdf>
- Panchenko, Vladimir A. 2018. "Vil'gel'm fon Gumbol'dt: Vnutrenniaia Forma Yazıka kak Otrazhenie Samobytnosti Etnicheskoi Kul'tury". *İzvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. İ. Gertsena*, 189: 396–401. 21. <https://cyberleninka.ru/article/n/vilgelm-fon-gumboldt-vnutrennyaya-forma-yazyka-kak-otrazhenie-samobytnosti-etnicheskoy-kultury/viewer>
- Potebnia, Aleksandr A. 1913. *Mysl' i Yazık*. Harkov: Mirnyi Trud. <https://crecleco.seriot.ch/textes/POTEBNJA-MiJaz/3.html>
- Potebnia, Aleksandr A. 1989. *Mysl' i Yazık*. In: *Slovo i Mif*, 32–199. Moscow: Pravda. 24. <https://files.znu.edu.ua/files/Bibliobooks/Inshi/0003845.pdf>
- Stepanov, Yuri S. 2001. *Konstanty: Slovar' Russkoi Kul'tury*. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Şemseddin Sami. 1901. *Kamûs-ı Türkî*. İstanbul: İkdâm Matbaası.
- Şpet, Gustav G. 1996. *Vnutrenniaia Forma Slova*. Moscow: Progress.
- Şpet, Gustav G. 2006. *Vnutrenniaia Forma Slova: Etiudy i Variatsii na Temy Gumbol'dta*. Moscow: KomKniga. https://gachn.de/files/data/Shpet_Vnutrennyaya_forma_slova_Vip.7.pdf
- Uspenskiy, Boris A. 1996. *Yazıkovaia Situatsiia i Yazıkovoe Soznanie v Dorevoliutsionnoi Rossii*. Moscow: İzdatel'stvo MGU.

